

Когда 6 октября 1889 Шарль Зидлер открывал новое кабаре на Монмартре, он вряд ли мог предположить, что в последующие сто лет "Мулен-Руж" станет такой же таковой же неотъемлемой частью Парижа, как Эйфелева башня, Елисейские Поля и старый Лувр. А придуманная им "реалистическая кадрили" с легкой руки первых посетителей, англичан, станет синонимом чисто французского стиля в мюзик-холле, названного "френч-канкан".

Первый период расцвета "Мулен-Ружа", навсегда запечатленный на полотнах Тулуз-Лотрека, пришелся на рубеж веков, второй — на "прекрасную эпоху": в период между двумя войнами здесь выступали знаменитая Мистенгет, Морис Шевалье и Жозефин Бекер.

В 80-е годы "Мулен-Руж" представляет свою сцену мировым знаменитостям. Здесь устраивал гала-представление Франк Синатра, давала собственное шоу Лайза Минелли, Михаил Барышников танцевал в спектакле, поставленном Морисом Бежаром...

Сегодняшний "Мулен-Руж" имеет только внешнее сходство со своим знаменитым предшественником. Его стиль, его слава, особая атмосфера праздника, присущая первому французскому мюзик-холлу, остались в прошлом, но легендарное имя продолжает притягивать сюда туристов со всего мира. В последние годы это в основном китайцы, японцы и русские.

Впрочем, русских можно увидеть не только в зале "Мулен Ружа", но и на сцене: так, все ревю "Formidable" ведет — танцует, поет (о том, что это фонограмма, известно только посвященным) — Влади, выпускник Вагановского училища, бывший артист Кировского балета Владимир Балыбин.

— Владимир, как вы попали в Париж?

— Из ЮАР. А в ЮАР из Германии. В Германию, в Штутгарт, я приехал по приглашению друзей из Штутгартской оперы.

— Что заставило вас оставить престижную труппу Кировского балета и уехать на Запад?

Русский танцовщик в Париже

Интервью с Владимиром Балыбиным

— Уже танцуя в Кировском театре, я все время мечтал о собственной хореографии. И поступил на балетмейстерский факультет одновременно в ГИТИС и в Ленинградскую консерваторию, когда там преподавал еще знаменитый Бельский.

ГИТИС пришлось оставить, хотя я всегда расценивал как свою маленькую победу то, что был отобран комиссией под руководством Васильева: известно, что в России очень много решал при поступлении блат, а у меня не было никакого блата. Один страх.

Мне повезло, я смог учиться у Бельского, последнего из больших хореографов неоклассического балета. В сущности, это единственная форма балета, которая меня интересует и сегодня, классика.

— "Мулен-Руж" — тоже в своем жанре классика.

— "Мулен-Руж" — это нечто временное, позволяющее мне остаться в Париже. В общем, я уехал, когда понял, что я — хореограф, но надежды на то, что это возможно осуществить в России, у меня не было. По приезде в Германию я просматривался в разных труппах 28 раз, но везде был слишком высок ростом. Как раз в это время мне предложили танцевать в ЮАР.

Честно говоря, я самого начала очень хотел попасть в ЮАР, потому что у них английская система балета, которая в свою очередь основана на принципах старого русского императорского балета. Кроме того, я надеялся на возможность собственных постановок: два раза в год танцовщики имели обычно право показать собственную хореографию.

Я проработал в ЮАР в оперном театре в Пакте три года, но так за все время ни разу не смог выступить со своей постановкой.

— А какие партии вы там танцевали?

— Ротбарта в "Лебедином озере", Карабос в "Спящей красавице", за эту роль я, кстати, получил две очень престижные премии в Йоганнесбурге —

"за лучшую характерную роль" и "за лучшую второстепенную роль".

А в Париж я приехал так же, как в Германию, по туристическому приглашению, с пустым карманом и на пустое место.

— Как вы поступили на работу в "Мулен-Руж"?

— По отборочному конкурсу. Я позвонил, мне назначили свидание, посмотрели меня и взяли в труппу. Правда, мне пришлось выдержать три просмотра — это теперь в труппу не принимают ребят ростом меньше меня, а три года назад 1м 90 см — это казалось слишком много.

— Вы, человек, вышедший из классического балета, вдруг попали совсем в другую атмосферу, в мюзик-холл. Что для вас лично существенно изменилось?

— Изменилось многое и немного. Я в Кировском танцевал характерные партии, а ревю "Мулен-Ружа" выстроено как нечто среднее между джаз-танцем и характерным. Здесь должна быть театральная подача, как в характерном академическом танце, а сами движения, чувство ритма — от джаз-танца.

Владимир Балыбин..

Педагог-репетитор, с которым мы работали над ревю, говорил, что я лучше всех схватываю, потому что у меня есть школа характерного танца.

— Вы очень серьезно относитесь к вашей работе в "Мулен-Руже"...

— Но здесь все очень серьезно. Некоторые начинают репетировать и не могут выдержать до конца. Потому что все здесь выглядит легкомысленно — все постоянно улыбаются, якобы всё очень легко танцевать, а на самом деле это не так. Это раньше были танцовщицы и просто красивые девушки, которые не танцевали, а выходили и стояли в перьях, демонстрируя красивое обнаженное тело. А теперь все участницы ревю — профессиональные танцовщицы, другое дело, что у них может быть очень разный уровень профессионализма. Между прочим, костюм с перьями весит 27 кг, и у девушек после первых репетиций просто мозоли на ключицах появляются.

— А на представлении все кажется таким легким, воздушным. Кстати, как вы относитесь к такому обилию красивых обнаженных женщин вокруг вас?

— Совершенно спокойно. К этому привыкаешь очень быстро, и реагируешь только как на явление эстетическое.

— У вас принято иметь поклонников? Вашим танцовщицам шлют цветы, подарки, любовные послания?

— Ну что вы, всего этого давно не существует, все это, как у нас говорят, осталось "в прошлом веке".

— А как вы — хореограф — относитесь к работе другого хореографа? (Ревю поставлено американским хореографом Биллом Гудсоном).

— За три года я понял, что хореография мулен-ружевского спектакля мне нравится. Я могу даже сказать, что это поставлено по-своему гениально: представление выстраивается так, чтобы все участники спектакля (буквально каждый танцовщик) были всегда на виду.

— А сколько получают ваши танцовщицы?

— 11, 12 тысяч чистыми. Но при нашем образе жизни это совсем немного: из этих денег приходится платить за ежедневные уроки танца, за массаж, косметику и т.д. Я как ведущий ревю получаю на тысячу франков больше.

Вообще работа очень тяжелая, и большинство не выдерживают больше года, уходят. Остаются те, у кого связаны с этой работой какие-то надежды — например, возможность остаться во Франции, как у нас, русских.

— Какое это производит впечатление на окружающих, когда вы рассказываете, что танцуете в "Мулен-Руже"?

— Никакого. Практически все мои французские знакомые и друзья никогда не были в "Мулен-Руже". И в первый раз приходят, чтобы посмотреть на меня. Гораздо большее впечатление на них производит то, что я семь лет танцевал в Кировском театре.

— А когда у вас нет спектакля, как вы проводите вечера?

— Иду с друзьями ужинать, общаться, часто бываю в опере, стараюсь по возможности не пропускать классические балеты. Самые интересные хореографы для меня сегодня — американец Ричард Таннер, ведущий поиски нового хореографического языка внутри классической системы, и Нуриев. Для многих Нуриев остается только гениальным танцовщиком, а для меня он настолько же гениальный постановщик — например, в "Золушке". Я думаю, что

только в будущем веке французы по-настоящему оценят хореографию Нуриева.

— А вы сами смогли наконец осуществить свою мечту о хореографии?

— Это очень сложно, потому что во Франции только одна большая компания классического балета, "Grand Opéra", а в "Grand Opéra" принимают только тех хореографов, те спектакли, которые уже знамениты.

У меня сейчас совсем другие планы, связанные с парфюмерией: мне очень нравится создавать "дизайн", идею новых духов. Я этим увлекся еще в ЮАР, где был знаком с несколькими крупными предпринимателями, продававшими французскую парфюмерию. Именно они, познакомившись с моими предложениями, посоветовали мне, чтобы реализовать их, ехать в Париж. Потому что духи рождаются в Париже, а потом расходятся по всему миру.

Три года я пытаюсь работать в этом направлении, и уже кое-что сделал. Я думаю, что я, может быть, окажусь хорошим парфюмером и в будущем все забудут про мою балетную судьбу и будут вспоминать только парфюмера.

— Владимир, вам тридцать два года, и вы семь лет как уехали из России. Есть ли у вас ностальгия?

— У меня есть ностальгия только по моим мечтам. Когда я уезжаю из Парижа на каникулы в другие страны, мне очень быстро хочется вернуться обратно. Такое чувство, что Париж стал моим домом.

— Владимир, а как же одиночество? Помните, вы говорили мне об этом в нашу первую встречу.

— Одиночество — это нормальное чувство, не зависящее от географии. Я и в России был одинок.

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж